

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВСКИЙ*

НА ПУТИ К «ДУХОВНОЙ ИСТОРИИ ТЕХНИКИ»**

ФРАГМЕНТ ОДНОГО ПРОЕКТА ХАНСА БЛЮМЕНБЕРГА

Аннотация: Настоящая статья представляет собой развернутое предисловие, посвященное не столько реконструкции взглядов немецкого философа Ханса Блюменберга (1920–1996) на технику, сколько контекстуализации его раннего эссе «Отношение природы и техники как философская проблема» (1951), которое интересно еще и тем, что может рассматриваться как фрагмент незавершенного проекта под названием «Geistesgeschichte der Technik». Исследование показывает укорененность Блюменберга в дискуссиях вокруг техники в Германии (философская антропология, пессимистическая культуркритика). В статье анализируется, каким образом молодой Блюменберг реагирует на проблематику, представленную у Гуссерля, Хайдеггера, Гелена и других авторов. Особое место в статье занимает обзор философии техники в «Проблемах социологии знания» (1926) Шелера, который — и это один из двух главных тезисов статьи — предположительно оказал решающее влияние на постановку вопроса о технике у Блюменберга и на ряд частных решений. Значение Шелера для дискуссии о технике в Германии до и после Второй мировой войны сводится к трем пунктам. (1) В основе процесса технизации Нового времени лежит некий инстинкт власти. (2) Лишь разрыв с охватывающей человека культурой Средневековья позволяет генетически объяснить мир, в котором наука и техника в их взаимовлиянии оказываются следствием, а не причиной. (3) Философия в качестве метафизики позволяет увидеть и назвать по имени этическую «вину» новоевропейского общества. Второй тезис моей статьи заключается в том, что Ханс Блюменберг — автор, который в итоге не создал «философию техники», и все написанное им по этой теме занимает среди его сочинений, посвященных генезису Нового времени, скорее периферийное место, что в то же время не умаляет значимости его высказывания.

Ключевые слова: Ханс Блюменберг, философия техники, духовная история техники, культуркритика, Мартин Хайдеггер, Арнольд Гелен, Макс Шелер, социология знания.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-3-315-333.

В весеннем семестре 2020/21 уч. года в Школе философии и культурологии НИУ ВШЭ я вел научно-исследовательский семинар под названием «Феноменология и герменевтика техники». Из большого числа немецкоязычных авторов, писавших об антропологии, о философии истории техники или рассматривавших технику с позиций критики

*Михайловский Александр Владиславович, к. филос. н., доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), amichailowski@hse.ru, ORCID: 0000-0001-9687-114X.

**© Михайловский, А. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

культуры и этики, для медленного чтения на семинаре были специально отобраны философы, которые позволяли бы продуктивно развернуть *герменевтику технического мира* и с ее помощью увидеть, каким образом жизненный мир индустриального общества возникает в результате технической революции. Ханс Блюменберг (1920–1996) оказался фигурой, с одной стороны, завершающей философию техники внутри феноменологической традиции в Германии, а с другой, открывающей новые горизонты. В переводе на русский язык давно доступна одна-единственная статья Ханса Блюменберга «Жизненный мир и технизация с точки зрения феноменологии» (Блюменберг, Чернышов, 1993). Однако для работы на семинаре, в котором участвовали студенты философского бакалавриата разных курсов, было решено взять самый первый текст немецкого философа на эту тему — статью об отношении природы и техники, опубликованную через год после его габилитации по теме «Онтологическая дистанция. Исследование кризиса феноменологии Гуссерля» (1950). В этой компактной, сжатой по изложению статье резко отразились все ключевые узлы дискуссий о сущности новоевропейской техники, которые велись с наибольшей интенсивностью во второй трети XX века. Настоящий текст представляет собой развернутое предисловие, посвященное не столько реконструкции взглядов Блюменберга на технику, сколько контекстуализации его ранней статьи, которая интересна еще и тем, что может рассматриваться как фрагмент незавершенного проекта под названием «Geistesgeschichte der Technik».

Перевод статьи выполнили под моим руководством три студента: Кирилл Боденко, Петр Зеленский и Петр Филатов. На Страстную пятницу 2021 года Петр Филатов, светлый человек, талантливый студент и будущий коллега, погиб. Это стало невосполнимой потерей для его однокурсников, преподавателей и всех, кто его знал. Перевод с немецкого языка, к тому же не самого простого философа с точки зрения стиля и содержания излагаемых идей, стал одной из немногих работ Петра, публикация которой, как я надеюсь, поможет сохранить память о нем.

Одна из первых статей о современном философе Хансе Блюменберге на русском языке начиналась с фразы: «Собственный философский проект [Блюменберг] заявил как метафорологию» (Современная западная..., 1998: 53). За прошедшие годы на русский язык были переведены всего лишь несколько глав из книги «Легитимность Нового времени» (Блюменберг, Резвых, 2007). Если добавить сюда уже упомянутую

работу о жизненном мире и технизации, то этими двумя позициями «русский Блюменберг», к сожалению, исчерпывается. С этим фактом связан другой — отсутствие в российской научной литературе четкого представления о вкладе Блюменберга в философию. А междисциплинарная ориентация — безусловно, сильная сторона его подхода — в данном случае не способствует делу прояснения контуров предмета(ов) его штудий (Блюменберг много лет входил в научно-исследовательскую группу «Поэтика и герменевтика»¹). Здесь уместно использовать метафору *лунного света*. Подобно спутнику Земли, отражающему своей поверхностью свет Солнца, проблематика сочинений Блюменберга *воспринимается* в российском академическом пространстве как отражающая самые яркие дискуссии второй половины XX века, более или менее хорошо у нас изученные. Я имею в виду, прежде всего, полемику с более известной концепцией «политической теологии» Карла Шмитта, где Блюменберг выступает против устоявшейся теории секуляризации. Истоки мысли о том, что рациональность человеческого жизнеустройства никогда не бывает полной и никакое просвещение не может упразднить миф, прослеживается и в изобретенной Блюменбергом «метафорологии». «Парадигмы метафорологии» вышли в том же году, что и «Истина и метод» Х.-Г. Гадамера, переведенная на русский язык еще в 1988 году, и мысль о том, что восприятие мира как связного целого обеспечивается благодаря метафорам, прочитывается — что, конечно же, вообще в порядке вещей с точки зрения герменевтики — скорее в свете этой самой философской герменевтики. Это касается и исследования применения метафор читателя и чтения с целью описания человеческого существования в культуре, и рассмотрения природы человеческой склонности интерпретировать взаимодействие с миром по принципу чтения в труде «Мир как книга» (1979).

Вторая причина некой расплывчатости образа Блюменберга-философа связана уже не столько с недоразвитостью российской (постсоветской)

¹ Междисциплинарный исследовательский проект, функционировавший на базе нескольких университетов в Германии и объединявший преимущественно немецких ученых-гуманитариев, таких как Х.-Г. Гадамер или представители так называемой Констанцской школы (историки и теоретики литературы Ханс Роберт Яусс, Вольфганг Изер). При этом Блюменберг и Яусс выступили главными инициаторами рабочих встреч этой молодой группы. Характер их исследований во многом определялся потребностью осмыслить современные культурные тенденции, в частности современную эстетическую ситуацию (*ästhetische Moderne*). В результате ряда семинаров, проведенных с 1963 по 1994 гг., были изданы 17 тематических сборников (1964–1998 гг.).

рецепции немецкой послевоенной философии в целом², сколько с «рудиментарной хронологией» (Haverkamp, 2001: 435) самого творчества этого автора, основные вехи которого теряются в темноте. Западная дисциплина под названием «Blumenberg-Philologie» сравнительно молода, и, пожалуй, только с выходом объемной монографии Юргена Гольдштайна по случаю столетнего юбилея философа (Goldstein, 2020) можно говорить о том, что труды Блюменберга, высящиеся посреди немецкого философского ландшафта, подобно монолиту, получили духовно-историческую конкретизацию и стали обретать узнаваемые физиогномические черты. Вообще, в литературе устоялось мнение, что Блюменберг — поздно созревший мыслитель. Если его первой фундаментальной работой принято считать «Легитимность Нового времени» (1966), то в качестве апогея и в то же время итога его творчества рассматривается ряд сочинений, который открывается книгой «Работа над мифом» (1979). Вместе с тем при внимательном знакомстве с этими и другими текстами можно отметить не только очень плотный стиль письма, где «слово едва выдерживает тяжесть навьюченного на него высказывания» (цит. по: *ibid.*: 135), но и разветвляющийся характер дискурса с большим количеством экскурсов и вместилищем подвалом из примечаний. В качестве главного объяснения такой насыщенности (если не сказать перенасыщенности) смыслами и отсылками — помимо чудовищной работоспособности Блюменберга, защитившего еще во второй половине 1940-х годов две диссертации одну за другой, — следует принять несколько незавершенных проектов раннего периода творчества, откуда, как из неких рудников, автор черпал сырье, которое затем обогащалось для выстраивания того самого монолита. Поэтому слово «проект» как раз очень подходит на роль ключа к описанию и реконструкции его мыслительной лаборатории.

Одним из таких проектов считают «Эстетические и метафорологические сочинения» (Blumenberg, 2001). Другим — «Духовную историю техники», ставшую источником идей для написания «Легитимности Нового времени», а стало быть, занимающую место на стыке *Technikphilosophie* и *Zeitphilosophie*. В частности, к этому проекту принадлежит ряд эксплицитно посвященных вопросу техники докладов, которые были изданы по результатам архивной работы и по времени своего возникновения относятся к периоду с конца 1950-х до 1960-х годов.

²Эту характеристику в равной степени можно отнести и к рецепции «школы Риттера» вкупе с «Begriffsgeschichte» Р. Козеллека.

Общее название выпущенного А. Шмитцем и Б. Штиглером сборника «Духовная история техники» отражает как отдельные заголовки работ, так и общее обозначение этого материала в наследии Блюменберга (Blumenberg, 2009a). Два редактора спустя несколько лет подготовили для издательства Suhrkamp новый сборник под названием «Schriften zur Technik» (Blumenberg, 2009b), в который вместе с избранными материалами из «GT»³ были включены опубликованные при жизни, но не переиздававшиеся работы, в частности напечатанная в шпрингеровском журнале «Studium generale» статья «Отношение природы и техники как философская проблема» (Blumenberg, 1951). Вместе с тем редакторы А. Шмитц и Б. Штиглер справедливо полагают, что выделять эти тексты искусственным образом из других проектов и делать из них независимый «комплекс трудов» с содержательной стороны некорректно (Schmitz & Stiegler, 2009: 286–287). Так, нельзя не обратить внимание на тот факт (зачастую даже вносящий путаницу), что переведенная статья о природе и технике включена в статусе отдельной главы сразу в два самых заметных Suhrkamp'овских сборника Блюменберга последних лет: в «Эстетические и метафорологические сочинения» и в «Сочинения о технике». С другой стороны, все эти статьи, доклады и архивные заметки действительно придают реализованным проектам Блюменберга специфические контуры и, несмотря на то что они зачастую уводят в других направлениях, будучи подчинены разным текущим задачам, они в то же время вводят в контекст более масштабных, гораздо лучше знакомых читателю трудов.

И все же в задачи настоящего исследования не входит описание того, как Блюменберг развивает проблематику философии техники с конца 1940-х до середины 1960-х годов, а также детальная реконструкция проекта «духовной истории техники», который постигла «ранняя неудача»⁴. Исчерпывающий анализ ее причин как раз приводит Ю. Гольдштайн в соответствующем разделе своей монографии (Goldstein, 2020: 150–153),

³Это аббревиатурой обозначена папка с соответствующими материалами в Архиве немецкой литературы Марбаха-на-Неккаре.

⁴«Анализ духовно-исторических причин ее [техники] происхождения — дело будущего», — пишет Блюменберг в конце 4 параграфа публикуемой ниже статьи. Блюменберг собирался исследовать вопрос о том, каким образом из определенного нового понимания действительности и положения человека в этой действительности возникает «техническая воля». Об этом говорится в наброске «О трудностях написания духовной истории техники» (Blumenberg, 2009b: 203–229).

и я не хотел бы его пересказывать. Годом раньше базельский исследователь Ханнес Байор опубликовал большую информативную статью о первом этапе философского становления Блюменберга, которое происходило через размежевание с феноменологией Гуссерля и Хайдеггера⁵. Значительная часть его статьи посвящена как раз изложению и разбору эссе о природе и технике как ключевого текста этого периода. Мое намерение более скромное, и оно продиктовано прагматикой самой публикации первой концептуальной статьи Блюменберга на тему философии техники. Это относительно короткое эссе было первой лекцией Блюменберга в качестве профессора Кильского университета. Во многом оно представляет собой реакцию по меньшей мере на три направления дискуссии о технике в Германии начала 1950-х годов: (1) техника — это просто кумулятивная история изобретений и открытий (наименее интересное направление, служащее автору лишь точкой для размежевания); (2) философско-антропологический подход; (3) пессимистическая культуркритика. Мой интерес вращается вокруг затронутых в статье тем и продиктован прежде всего желанием вернуть контекст туда, откуда он исключен нащупывающим самостоятельный путь автором. Мысли излагаются тезисно и сжато; заявленные масштабы исследования потенциально превосходят те семь параграфов, на которые оно поделено; в научном аппарате отсутствуют ссылки на современные философские, социологические и исторические исследования, исключением из чего остаются только красноречивые упоминания Ортеги-и-Гассета и Мартина Хайдеггера (единственная ссылка на «Письмо о гуманизме»). Таким образом, имея в виду проективный характер задуманной «Духовной истории техники», разумно исходить из допущения, что Ханс Блюменберг — автор, который в итоге не создал свою «философию техники», и все написанное им по этой теме занимает в корпусе его сочинений скорее периферийное место, что, однако, не умаляет значимости его высказывания.

Замысел рассматривать технику не имманентным образом, изнутри истории техники, а задать перспективу, из которой возникновение современной техники будет объясняться из истории духа, не нов. Эрнст Капп, основоположник дисциплины под названием «философия техники», понимал ее именно как штудии по истории возникновения культуры. Подзаголовок книги «Основные черты философии техники»

⁵Это исследование предворяет первую английскую публикацию перевода этого же эссе (Blumenberg, Kroll, 2019).

ясно говорит об этом намерении проследить «историю возникновения культуры в новых ракурсах» (Карр, 1877). Также и Ханс Фрайер в своей программной статье 1929 г. «К философии техники» (рус. пер. Фрайер, Михайловский, 2011) стремился выработать «содержательную философию истории техники». Последняя, по замыслу Фрайера, была призвана выявить ее связь с системой культуры, представить технику как судьбоносный элемент всей культуры. И наоборот, динамика технического развития получала свой философско-исторический смысл лишь в контексте культурных трансформаций, т. е. вследствие ее интеграции в культурное целое. Конечно, техника — лишь одна из возможностей достижения общественно значимой цели. Но коль скоро сам выбор средств определяется культурой, развитие техники — это не произвольное изобретение новых инструментов, а объективация ценностного отношения и целей конкретного сообщества. В этом смысле Фрайер считал технику выражением человеческой воли к овладению природой — мысль, которая встречается в «Человеке и технике» (1931) Освальда Шпенглера и которую позднее будет развивать ученик Фрайера Арнольд Гелен. В сборнике «Сочинения о технике» мне не удалось найти ни одной ссылки на Фрайера, который, кстати, продолжал работать и после Второй мировой войны, однако совершенно очевидно, что философско-антропологический подход к технике пользовался в этот период большой популярностью, о чем свидетельствует, пожалуй, самая известная книга Арнольда Гелена «Душа в техническую эпоху» (1957). В этой связи примечательно, что молодой исследователь Блюменберг формулирует свои тезисы о возникновении и сущности технизации, не будучи знакомым с культуртеорией модерна, изложенной в этой книге. Его близость к философско-антропологической перспективе проявляется и в других отношениях, в частности в противопоставлении природы и техники (см. ниже), а значит, следует предположить общий источник такой постановки вопроса, не исключая непосредственного влияния более ранних публикаций Арнольда Гелена на Блюменберга (например, книги 1940 года «Человек. Его природа и положение в мире»).

Здесь нельзя не вспомнить Макса Шелера — одного из создателей философской антропологии и основателя социологии знания. Шелер создал и вполне законченную оригинальную философию техники — именно в смысле машинной новоевропейской техники (хотя у Шелера часто идет речь о личностных техниках-практиках). Она обоснована у него философско-антропологически («метафизически») и изложена в книге «Формы знания и общество» (издана в Лейпциге в 1926 году),

а именно в двух главных работах этого сборника: «Проблемы социологии знания» и «Познание и работа. Исследование о ценности и границах прагматического мотива в познании мира». Здесь выделяются три тезиса, определяющие всю дальнейшую дискуссию о технике (включая Фрайера, Гуссерля и Хайдеггера) и учитываемые Блюменбергом в его ранней статье⁶.

- (1) В основе процесса технизации Нового времени и появления нового человеческого типа лежит некий инстинкт власти. Иными словами, воля к господству предопределяет методы мысли и воззрения, а также цели индивидов, действуя как будто за их спиной.
- (2) Возникновение мысли о господстве происходит неожиданно. Лишь разрыв с охватывающей человека культурой Средневековья позволяет генетически объяснить мир, в котором наука и техника в их взаимовлиянии оказываются следствием, а не причиной.
- (3) Лишь философия в качестве метафизики позволяет увидеть и назвать по имени этическую «вину» новоевропейского общества. Только так возможен диагноз острой опасности, которая вырастает из господства техницизма над сущностью, целями и ценностями духа.

Совершенно очевидно, что Блюменберг продолжает мысль Шелера, возводя радикальную новизну технического пафоса Нового времени к распаду номиналистической теологии позднего Средневековья⁷. Говоря о номинализме как об источнике лежащего в основании новоевропейской техники *Machtantrieb*, Макс Шелер отмечает свойственное «типу духовной организации вождей реформации» стремление развалить биоморфную античную метафизику, основанную на реализме понятий и ориентированную онтологически.

Несмотря на то, что тип духовной организации вождей реформаций был как небо от земли далек от типа духовной организации отцов современной науки — Галилея, Убальди, Декарта, Кеплера, Ньютона и т. д. — их объединял ряд формальных, но весьма важных общих черт: 1) номиналистический способ мышления, характерный для каждой духовной революции против старого,

⁶Странным образом Х. Байор не замечает этого важнейшего контекста, упоминая Шелера только в одном ряду с Плесснером и сводя его значение для философии техники Блюменберга к позднему очерку «Положение человека в космосе» (Vajohr, 2019: 7). Это приходится считать досадным упущением для швейцарского специалиста.

⁷Шелер и Блюменберг отличаются в этом от Вебера, связывающего возникновение рациональной культуры Нового времени с протестантизмом.

устоявшегося мира идей; 2) убежденность в том, что подлинная сущность человека заключается не в созерцающем рассудке, а в воле к господству.

И далее:

Номиналистический способ мышления сущностно связан [...] с разложением биоморфного мировоззрения и распространением механистического взгляда на мир, так как «общий» предмет постижения в витальной сфере — в особенности в (органической) идее «рода» — на самом деле обладает независимыми от индивидуационных критериев пространственно-временного многообразия реальностью и единством, недостающих ему в сфере неорганического [...] (Шелер, Малинкин, 1998: 96–106).

Шелеру как социологу *par excellence* было интересно выявить сущностно-закономерную связь между жизненно-общностной социальной формой бытия античности и категориально-биоморфным мировоззрением, с одной стороны, и характерной для нее орудийной техникой, а также преобладанием органической техники (в противоположность технике неорганической), с другой. Блюменберг же начинает, казалось бы, с другой, онтологической темы — с анализа природного и искусственного сущего в греческой метафизике.

Для греков природа (*physis*) изначально еще во многом тождественна бытию (*ousia*). Все сущее возникает из самого себя, как это видно из вечной последовательности поколений растений и животных. Эйдос всегда остается одним и тем же. Однако тогда появляется вопрос, как онтологически классифицировать объекты, изготовленные человеком, которые известны под термином *techné*. Поскольку человек встроен в космос и отличается от других живых существ только тем, что обладает логосом, произведения, как сущности, происходящие из пронизанного логосом существа человека, также являются частью природы. «Τέχνη возможна только тогда, когда осуществляется реализация отношений человека с природой, основанных на логосе». Изделия (*ergon*) человека и изделия животных (гнезда, норы) в этом смысле отличаются лишь степенью совершенства. При этом Блюменберг рисует великую гармонию греческого мира и взаимосвязь между произведениями природы и произведениями человека, причем последние рассматриваются как эманации природного целого. Человек помещен в природу и, как техническое существо, должен реализовать в ней свою экзистенцию.

Предложенный во второй главе анализ греческой метафизики, ориентирующийся эксплицитным образом на Аристотеля, позволяет пред-

положить хорошее знакомство Блюменберга с трактатом Хайдеггера 1939 года «О существе и понятии φύσις» (Heidegger, 1976: 239–301)⁸. В аристотелевском различении «сущего-по-природе» (physei onta) и артефактов (apo technes onta) — того, что имеет начало движения в самом себе, и того, что не имеет начала движения в самом себе, — Хайдеггер усматривал досократический смысл physis, т. е. бытия. В этом трактате Хайдеггер воспроизводит аристотелевскую теорию physis, обнаруживая в его онтологии изначальный греческий, т. е. феноменологический, смысл бытия. А именно он утверждал, что в «Физике В 1» мы находим «такое понимание physis, которое служит основой и путеводной нитью для всех последующих интерпретаций сущности „природы“» (ibid.: 243). Говоря о physis, Аристотель имел в виду оригинальное греческое наименование бытия как роста, присутствия, постоянства, соответственно, полагает Хайдеггер, это позволяет восстановить примат «природы» над «техникой» (подробнее см.: Михайловский, 2016).

Однако Блюменберг не следует Хайдеггеру, который в дальнейшем развивает свою теорию истины как непотаенности⁹: выделяя особый характер греческого понятия techne, тесно связанного с episteme как способом выведения в непотаенность, Хайдеггер будет настаивать на том, что способ «истинствования» techne предполагает понимание physis как раскрытия сущего. В то же время Блюменберг, похоже, рассуждает в хайдеггеровском духе, когда пишет, что

теория делает практику возможной не только потому, что она представляет собой предшествующее и высшее инструментальное условие, но и в первую очередь потому, что она имеет подлинный и существенный доступ к бытию и, таким образом, становится основой для всех производственных заимствований и изменений практики, однако исключает чистое насилие.

В дальнейшем ходе рассуждений Блюменберг скорее продолжает демонстрировать приверженность философско-антропологическому подходу Гелена, для которого постоянство техники в истории человечества объяснялось недостаточностью человеческого существа (Mängelwesen) и необходимостью компенсировать эту нехватку средств приспособления к внешнему миру.

⁸О взаимоотношении техники и природы (также в связи с Аристотелем) писал в начале 1950-х годов и ученик Хайдеггера Карл Ульмер (Ulmer, 1953).

⁹Справедливости ради следует отметить, что Блюменберг посвятил вопросу о технике и истине отдельный доклад (Blumenberg, 1953).

Будучи существом, чье существование не гарантировано органической адаптацией к природной окружающей среде и чей модус существования задан самоутверждением и самопроизводством собственных условий жизни, человек порождает технику как ответ на бытийную проблематику своего вида.

Однако уже в статье 1960 года «Исчезновение порядка и самоутверждение. О понимании мира и об отношении к миру в становлении технической эпохи» он откажется от антропологической антитезы природы и техники и задастся вопросом о том, почему техника является «конструктивным элементом Нового времени» (Blumenberg, 2009b: 139), т. е. будет усиленно смещать фокус на духовную историю техники. Почему техника обеспечивает скачок внутри континуальности природного бытия? Почему техника не довольствуется тем, что дополняет природу, а начинает ее корректировать и превосходить?

Подступы к решению этой проблемы мы находим в третьем и следующих параграфах рассматриваемой статьи. Обрисованная гармония человека и космоса нарушается вследствие христианского понимания бытия. Блюменберг говорит о «трагическом разрыве» между человеком и природой. Первородный грех Адама и Евы в Эдемском саду запускает череду бесконечных неудач в достижении первоначальной цели.

Человеку, направившему свою свободу *против* желанного для Бога бытия, так или иначе не удастся избежать необходимости влачить свою скорбную жизнь *с помощью* и *в силу* этого бытия.

Трудясь в поте лица, он теперь вынужден устраивать свою жизнь в природе как изгой, при этом технология должна облегчить ему частичное подчинение природы. Таковы следствия из замены античного генерационизма христианским креационизмом.

Чтобы продемонстрировать автономизацию человека как главную черту Нового времени, Блюменберг актуализирует хайдеггеровскую интуицию о сущностном единстве технологий и искусства¹⁰, хотя опять-таки уверенно встраивает ее в свой исследовательский горизонт, поскольку его интересуют причины перехода от теологического абсолютизма Средневековья к современной культуре самоутверждения человека. Шестая глава статьи названа «Единство происхождения науки, техники, искусства и власти в начале Нового времени». В обеих областях — в искусстве

¹⁰Хайдеггеровское определение отношения техники и искусства вообще предвосхищает проблемы, поставленные после Второй мировой войны Блюменбергом, Маркузе, Блохом и Адорно.

и в технике, которые вместе образуют *ars humana*, — формируются возможности человека в отношении реализации его воли к наслаждению¹¹. Чистая эстетика произведения искусства модифицируется и расширяется, дополняется практическими элементами техники. Каждое техническое изделие отныне должно отвечать как функциональным, так и эстетическим требованиям. Создатели произведений искусства, или, что то же самое, инженеры, в качестве архетипического примера которых приводится Леонардо да Винчи, видят себя уже не скромными исследователями божественного замысла о мире, а автономными, самоуверенными творцами своих произведений, которые руководствуются только собственными креативными идеями и целями. Впрочем, и здесь опять-таки дает о себе знать философско-антропологический подход: не в самовозвеличивании и самонадеянности человека заключается причина возникновения современной техники — напротив, это ответ на нужду, проистекающую из ощущения себя чужаком в этом мире и забвения истины божественного замысла о нем.

В эссе 1957 года под названием «Имитация природы» (Blumenberg, 2009b: 86–125), где подробно разбираются три диалога Николая Кузанского (1450 г.) и, в частности, фигура *idiota*, простака, Блюменберг еще раз возвращается к этой мысли. В отличие от аристотелевской позиции, согласно которой человек либо подражает природе в своих произведениях, либо пытается завершить то, что природа не в состоянии довести до конца, в раннее Новое время человек выступает как творческое существо, и в его «произведениях искусства» проступает подпись *homo creator* как познавшего свои потенции. Блюменберг снова вспоминает уже процитированное им высказывание технического специалиста из одной американской лаборатории: «Здесь мир создается во второй раз!»

Из-за двойного давления невыносимого средневекового представления о Боге и необходимости самоутвердиться против невзгод и тягот мира современный человек направил все свои силы и весь свой исследовательский интерес на разработку новых технических систем. С этой констатации начинается заключительная глава статьи «„Вторая природа“ машинного мира как следствие технической воли». Указанная тенденция выльется в *hubris* человеческой автономии и самодостаточности, которая позволит возвести в безусловный ранг «второго творения»

¹¹В пятой главе публикуемой здесь статьи утверждается: «...к важнейшим предпосылкам специфически технического и экономического развития Нового времени принадлежит снятие различия между *uti* и *frui* — между использованием и наслаждением».

созданные техникой вещи, ничем не уступающие первому творению (человек становится *alter deus*). Начиная с появления механических игрушек эпохи барокко, развитие машинного мира приводит к созданию агрегатов, которые функционируют сами по себе, могут контролировать себя и при необходимости — себя обслуживать и ремонтировать. Хотя в 1951 году еще не был изобретен персональный компьютер, Блюменберг пророчески указывал, что однажды появятся технические системы, с помощью которых человек станет действительно стремиться сравняться с первым творением и даже превзойти его.

Таким образом, вместо «демонизма техники» Блюменберг предпочитает вести речь о «демонизме творца» (Blumenberg, 2009b: 11). Критическое замечание о «*Dämonie der Technik*» также прекрасно вписывается в послевоенные дискуссии о последствиях стремления техники к совершенству, перфекции, старт которым дали две эпохальные культуркритические книги: «Совершенство техники» (1946) Фридриха Георга Юнгера и «О смысле и назначении истории» (1949) Карла Ясперса. Так, Ясперс характеризовал демонизм техники следующим образом (Ясперс, Левина, 1994: 139):

Несомненно одно: техника направлена на то, чтобы в ходе преобразования всей трудовой деятельности человека преобразовать и самого человека. Человек уже не может освободиться от воздействия созданной им техники. И совершенно очевидно, что в технике заключены не только безграничные возможности, но и безграничные опасности. Техника стала ни от кого не зависимой, все за собой увлекающей силой. Человек подпал под ее власть, не заметив, что это произошло и как это произошло.

Блюменберг отвергает идею автономии технологий по отношению к людям как ложную, уводящую в сторону от реальной постановки проблемы. Действительно, пессимистический взгляд на технику как сущность *sui generis*, представляющую угрозу для всего человечества, широко распространился в Германии, особенно в контексте так называемого «антиатомного движения». Этот упрек *prima facie* можно было бы адресовать и Мартину Хайдеггеру, который хотя и настаивал на несводимости сущности техники как *Gestell* к самой материальной технике, также писал об исходящей от «постава» угрозе человечеству. Но позиция Хайдеггера амбивалентна: с одной стороны, конечно, новоевропейская техника, по его мнению, убивает природу, как электростанция на Рейне уничтожает естественный и духовно-исторический ландшафт страны, но, с другой стороны, технологии сами по себе не могут нести

ответственности за эти нежелательные последствия. Важно то, *как* мы относимся к технологиям, насколько мы от них свободны. Следовательно, необходимо задаваться вопросом о том, что такое техника в своем существе, независимо от ее служебного характера. И в «Вопросе о технике» Хайдеггер утверждает, что ее нельзя понимать инструментально, поскольку она не что иное, как способ раскрытия в смысле истинствования. Только рассмотрев технику как то «место», где свершается истина-*aletheia*, мы можем реконструировать наше отношение к ней, даже будучи прочно встроены в современную технократическую эпоху. По этой причине Хайдеггер также эксплицитно критикует «демонизм» техники: «Опасна не техника сама по себе. Нет никакого демонизма техники, но есть тайна ее существа» (Хайдеггер, Бибахин, 1993: 234).

Примечательно, что Блюменберг на момент создания статьи не мог быть знаком с самым знаменитым текстом позднего Хайдеггера о технике. Как известно, он восходит к серии из четырех докладов, которые были прочитаны в Бременском клубе в декабре 1949 года и объединены общим заглавием «*Einblick in das was ist*» («Прозрение в то, что есть»): «*Das Ding*» («Вещь»), «*Das Gestell*» («Постав»), «*Die Gefahr*» («Опасность»), «*Die Kehre*» («Поворот»). Первый доклад Хайдеггер прочел позднее в развернутом виде в Баварской академии изящных искусств 18 ноября 1950 г. Второй доклад, получивший новую редакцию и новое название «*Die Frage nach der Technik*» («Вопрос о технике»), состоялся в рамках чтений «Искусства в техническую эпоху», организованных той же академией осенью 1953 г. А впервые он увидел свет в составе сборника «*Die Technik und die Kehre*», выпущенном издательством Neske только в 1962 году (Heidegger, 1962).

Однако другой полемически заостренный тезис, с которого начинается первая главка «Текущее состояние проблемы», а именно критика позитивистски окрашенного представления о технике как прикладной естественной науке, прекрасно коррелирует с описанием «сущностных явлений» Нового времени, которым открывается статья Хайдеггера «Время картины мира». Эта работа 1938 года вошла в первую послевоенную книгу «*Holzwege*» (1950). Переходя от науки Нового времени к машинной технике, Хайдеггер также отказывается истолковывать последнюю как «практическое применение новоевропейского математического естествознания» (Хайдеггер, Бибахин, 1993: 41–42):

Сама машинная техника есть самостоятельное видоизменение практики, такого рода, что практика начинает требовать применения математического

естествознания. Машинная техника остается до сих пор наиболее бросающимся в глаза производным существа новоевропейской техники, тождественного с существом новоевропейской метафизики.

Если, как мы обещали в начале этого предисловия, двигаться вглубь и воссоздавать контекст дискуссии о технике первой половины или, точнее, второй трети XX века, в котором помимо Хайдеггера, Гелена, Ф. Г. Юнгера также присутствовал и Гуссерль¹², мы снова — и притом неизбежно — возвращаемся к фигуре Макса Шелера, утверждавшего сущностно-закономерную обусловленность специальных позитивных наук техникой. Эти прозрения позволили Хайдеггеру сформулировать тезис о техническом характере научной теории (ср. Röggele, 1994), хотя он далеко отступил от трактовки Шелера и в известном смысле абсолютизировал технику, связав начало ее доминирования с победой картезианского метода.

В своей статье «Отношение природы и техники» тридцатилетний Блюменберг конспективно касается (почти) всех ключевых тем немецкой философии техники, и, если бы не совершенно самобытный ход рассуждения, внутри которого ведется едва ли не полифоническая разработка этих тем, можно было бы говорить о вторичности этого текста. Однако — еще раз повторимся — он заявлял свой проект как «духовную историю техники», и впоследствии его фрагменты были задействованы в построении теории генезиса Нового времени. В итоге для будущих российских исследователей философии Блюменберга важно отметить две вещи. (1) Все начиналось с рефлексии о технике. (2) Даже, казалось бы, неожиданный и эвристичный для того времени выход на концепции политической власти в связи с рационально-техническими процедурами, намерение подробно изучить следствия технического прогресса для остальных подсистем общества, несомненно, обязаны крестному отцу новых философских исканий Макс Шелеру, который с целью прояснения нашего бытия-в-мире не уставал указывать на принадлежность всех сфер этого мира, включая не только технику, экономику и политику, но и мораль, религию, а также, конечно, искусство.

¹²Проблематика гуссерлевского «Кризиса европейских наук» более ярко выражена в статье Блюменберга «Жизненный мир и технизация с точки зрения феноменологии» (впервые опубликована в 1963 г.), которую я здесь не рассматриваю. В ней, в частности, автор формулирует ряд аргументов против традиционной критики техники, которая противопоставляет жизненный мир и технизацию.

ЛИТЕРАТУРА

- Блюменберг Х.* Жизненный мир и технизация с точки зрения феноменологии / пер. с нем. А. В. Чернышова // Вопросы философии. — 1993. — № 10. — С. 69—92.
- Блюменберг Х.* Из книги «Легитимность Нового времени»: Гл. I. Понятийный статус. Гл. VIII. Политическая теология I и II / пер. с нем. П. В. Резвых // Новое литературное обозрение. — 2007. — Т. 87, № 5. — С. 10—25.
- Михайловский А. В.* Хайдеггер и Аристотель о *techne* и *physis*. Статья первая. Герменевтическое значение Аристотеля для формирования Хайдеггеровской мысли о технике // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». — 2016. — Т. 5, № 3. — С. 37—51.
- Современная западная философия: Словарь / под ред. В. С. Малахова, В. П. Филатова. — М.: Тон-Остожье, 1998.
- Фрайер Х.* К философии техники (1929) / пер. с нем. А. В. Михайловского // Вопросы философии. — 2011. — № 3. — С. 73—79.
- Хайдеггер М.* Время и бытие / пер. с нем. В. В. Библихина // Время и бытие. — М.: Республика, 1993. — С. 391—406.
- Шелер М.* Проблемы социологии знания / пер. с нем. А. Н. Малинкина. — М.: Институт общегуманитарных исследований, 1998.
- Ясперс К.* Смысл и назначение истории / пер. с нем. М. И. Левиной. — М.: Республика, 1994.
- Vajohr H.* Hans Blumenberg's Early Theory of Technology and History // Graduate Faculty Philosophy Journal. — 2019. — Vol. 40, no. 1. — P. 3—15.
- Blumenberg H.* Das Verhältnis von Natur und Technik als philosophisches Problem // Studium Generale. — 1951. — Nr. 4. — S. 461—467.
- Blumenberg H.* Technik und Wahrheit // Actes du congrès international de philosophie. — 1953. — Nr. 11. — S. 113—120.
- Blumenberg H.* Ästhetische und metaphorologische Schriften / hrsg. von A. Haverkamp. — Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2001.
- Blumenberg H.* Geistesgeschichte der Technik. — Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2009a.
- Blumenberg H.* Schriften zur Technik / hrsg. von A. Schmitz, B. Stiegler. — Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2009b.
- Blumenberg H.* The Relationship between Nature and Technology / trans. by J. P. Kroll // Graduate Faculty Philosophy Journal. — 2019. — Vol. 40, no. 1. — P. 19—31.
- Goldstein J.* Hans Blumenberg. Ein philosophisches Portrait. — Berlin: Matthes & Seitz, 2020.
- Haverkamp A.* Die Technik der Rhetorik. Blumenbergs Projekt // Ästhetische und metaphorologische Schriften / H. Blumenberg; hrsg. von A. Haverkamp. — Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2001. — S. 435—454.
- Heidegger M.* Die Technik und die Kehre. 1. Aufl. — Pfullingen: Neske, 1962.

Heidegger M. Wegmarken. Bd. 9 / hrsg. von F.-W. von Herrmann. — Frankfurt am Main : Klostermann, 1976.

Kapp E. Grundlinien einer Philosophie der Technik : zur Entstehungsgeschichte der Cultur aus neuen Gesichtspunkten. — Braunschweig : Verlag von George Westermann, 1877.

Pöggeler O. Ausgleich und anderer Anfang. Scheler und Heidegger // Phänomenologische Forschungen. — 1994. — Jg. 28. — S. 166–203.

Schmitz A., Stiegler B. Nachwort // Schriften zur Technik / H. Blumenberg ; hrsg. von A. Schmitz, B. Stiegler. — Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2009. — S. 281–297.

Ulmer K. Wahrheit, Kunst und Natur bei Aristoteles. Ein Beitrag zur Aufklärung der metaphysischen Herkunft der modernen Technik. — Tübingen : M. Niemayer, 1953.

Mikhailovsky, A. V. 2022. "Na puti k 'dukhovnoy istorii tekhniki' [On the Way to the 'Geistesgeschichte der Technik'] : fragment odnogo proyekta Khansa Blyumenberga [A Fragment of a Project by Hans Blumenberg]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [*Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*] 6 (3), 315–333.

ALEXANDER MIKHAILOVSKY

PHD IN PHILOSOPHY; ASSOCIATE PROFESSOR

NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (MOSCOW, RUSSIA);

ORCID: 0000-0001-9687-114X

ON THE WAY TO THE "GEISTESGESCHICHTE DER TECHNIK"

A FRAGMENT OF A PROJECT BY HANS BLUMENBERG

Abstract: The central purpose of this study is to contextualize Hans Blumenberg's early essay *The Relationship between Nature and Technology as a Philosophical Problem* (1951), not to reconstruct the complex views of the German philosopher concerning technology. The following translation of Blumenberg's essay is also of interest since it can be seen as a part of an unfinished project called "Geistesgeschichte der Technik". The study deals with Blumenberg's rootedness in discussions around technology in Germany (philosophical anthropology, pessimistic cultural criticism). The article shows how the young philosopher reacted to the issues presented by Husserl, Heidegger, Gehlen and other authors. The philosophy of technology in Scheler's *Problems of the Sociology of Knowledge* (1926) presumably had a decisive influence on the formulation of the question concerning technology in Blumenberg, which is one of the main theses of my article. Namely, the broader significance of Scheler for discussing technology in Germany before and after World War II boils down to three points: (1) at the heart of the process of technization of the Modern Age lies a certain instinct of power (*Machtantrieb*); (2) only a break with the culture of the Middle Ages makes it possible to genetically explain the world in which science and technology, in their mutual influence, are a consequence, not a cause; (3) philosophy as metaphysics allows us to see and name the ethical "guilt" of the New European society. The second thesis of this article is that Hans Blumenberg is the author who ultimately did not create the "philosophy of technology"; Blumenberg's writings on this topic are found on the periphery of his texts on the genesis of the Modern Age, which at the same time does not detract from the significance of his present statement.

Keywords: Hans Blumenberg, Philosophy of Technology, Philosophy of Time, Cultural Criticism, Martin Heidegger, Arnold Gehlen, Max Scheler, Sociology of Knowledge.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-3-315-333.

REFERENCES

- Bajohr, H. 2019. "Hans Blumenberg's Early Theory of Technology and History." *Graduate Faculty Philosophy Journal* 40 (1): 3–15.
- Blumenberg, H. 1951. "Das Verhältnis von Natur und Technik als philosophisches Problem" [in German]. *Studium Generale*, no. 4, 461–467.
- . 1953. "Technik und Wahrheit" [in German]. *Actes du congrès international de philosophie*, no. 11, 113–120.
- . 1993. "Zhiznenny mir i tekhnizatsiya s tochki zreniya fenomenologii [Lebenswelt und Technisierung unter Aspekten der Phänomenologie]" [in Russian], trans. from the German by A. V. Chernyshov. *Voprosy filosofii [Questions of Philosophy]*, no. 10, 69–92.
- . 2001. *Ästhetische und metaphorologische Schriften* [in German]. Ed. by A. Haverkamp. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- . 2007. "Iz knigi 'Legitimnost' Novogo vremeni' [Die Legitimität der Neuzeit]: Gl. 1. Ponyatiynny status. Gl. VIII. Politicheskaya teologiya i i i]" [in Russian], trans. from the German by P. V. Rezvykh. *Novoye literaturnoye obozreniye [New Literary Observer]* 87 (5): 10–25.
- . 2009a. *Geistesgeschichte der Technik* [in German]. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- . 2009b. *Schriften zur Technik* [in German]. Ed. by A. Schmitz and B. Stiegler. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- . 2019. "The Relationship between Nature and Technology [Das Verhältnis von Natur und Technik als philosophisches Problem]." Trans. by J. P. Kroll. *Graduate Faculty Philosophy Journal* 40 (1): 19–31.
- Freyer, H. 2011. "K filosofi tekhniki (1929) [Zur Philosophie der Technik]" [in Russian], trans. from the German by A. V. Mikhaylovskiy. *Voprosy filosofii [Question of Philosophy]*, no. 3, 73–79.
- Goldstein, J. 2020. *Hans Blumenberg. Ein philosophisches Portrait* [in German]. Berlin: Matthes & Seitz.
- Haverkamp, A. 2001. "Die Technik der Rhetorik. Blumenbergs Projekt" [in German]. In *Ästhetische und metaphorologische Schriften*, by H. Blumenberg, ed. by A. Haverkamp, 435–454. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Heidegger, M. 1962. *Die Technik und die Kehre. 1. Aufl* [in German]. Pfullingen: Neske.
- . 1976. *Wegmarken* [in German]. Ed. by F.-W. von Herrmann. Vol. 9. Frankfurt am Main: Klostermann.
- . 1993. "Vremya i bytiye [Zeit und Sein]" [in Russian]. In *Vremya i bytiye [Zeit und Sein]*, trans. from the German by V. V. Bibikhin, 391–406. Moskva [Moscow]: Respublika.
- Jaspers, K. 1994. *Smysl i naznacheniyе istorii [Vom Ursprung und Ziel der Geschichte]* [in Russian]. Trans. from the German by M. I. Levina. Moskva [Moscow]: Respublika.
- Kapp, E. 1877. *Grundlinien einer Philosophie der Technik: zur Entstehungsgeschichte der Cultur aus neuen Gesichtspunkten* [in German]. Braunschweig: Verlag von George Westermann.
- Malakhov, V. S., and V. P. Filatov, eds. 1998. *Sovremennaya zapadnaya filosofiya [Lexicon of Contemporary Western Philosophy]: Slovar'* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Ton-Ostozh'ye.

- Mikhaylovskiy, A. V. 2016. "Khaydegger i Aristotel' o techne i physis. Stat'ya pervaya. Germevnticheskoye znachenije Aristotelya dlya formirovaniya Khaydeggerovskoy mysli o tekhnike [Heidegger and Aristotle on Techne and Physis. Part One. The Hermeneutic Significance of Aristotle for the Formation of Heidegger's Thought on Technology]" [in Russian]. *Vestnik RGGU. Seriya "Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedeniye" [Bulletin of RGGU. Series "Philosophy. Sociology. Art History"]* 5 (3): 37–51.
- Pöggeler, O. 1994. "Ausgleich und anderer Anfang. Scheler und Heidegger" [in German]. *Phänomenologische Forschungen* 28:166–203.
- Scheler, M. 1998. *Problemy sotsiologii znaniya [Probleme einer Soziologie des Wissens]* [in Russian]. Trans. from the German by A. N. Malinkin. Moskva [Moscow]: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy.
- Schmitz, A., and B. Stiegler. 2009. "Nachwort" [in German]. In *Schriften zur Technik*, by H. Blumenberg, ed. by A. Schmitz and B. Stiegler, 281–297. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Ulmer, K. 1953. *Wahrheit, Kunst und Natur bei Aristoteles. Ein Beitrag zur Aufklärung der metaphysischen Herkunft der modernen Technik* [in German]. Tübingen: M. Niemayer.